

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Французы в Австрии

<Фрагмент>

ГЛАВА IV

*Образ французского грабительства. Генерал Вандам¹.
Фельдмаршал Ней. Россияне и французы. Генерал Гулин².
Анекдоты. Добровольные и вынужденные подарки.
Защитники французов.*

Хотя французы и не смели ничего брать явно, но умели все так распорядить, что все-таки что-нибудь доставали. Они очень хорошо научились грабительству и употребляли его методически. Солдатам запрещено под смертную казнь не трогать чужой и булавки, с офицерами же не так строго поступают, и чем выше чин, тем благосклоннее. Генерал Вандам, будучи отменно искусен покупать лошадей, убедил конюшего графа С... уступить ему без ведома хозяина за 200 гульденов лошадь, стоившую тысячи две. Фельдмаршал Ней подделал в Цальбурге фальшивый ключ к библиотеке и выбрал из оной лучшие сочинения. Но обоим сошло с рук без наказания, вместо того, как несколько унтер-офицеров, сделавших подобные проступки в малом, были тотчас расстреляны на месте преступления.

Некоторые новички в армии, не знавшие еще, что Бонапарте не всегда сдерживает слово свое, думали при входе в Вену, что стоит только протянуть руку. Не успели они еще войти в город, как один из них вздумал было поменяться с одним жителем сапогами, но товарищи его, *более его сведущие*, успели вовремя удержать от исполнения сего намерения. — Другие украли однажды целое стадо волов, и гнали их покойно прямо на господской двор среди криков и воплей бегущих впереди хозяев, а как скоро вошли на оной, то были тотчас остановлены караульным офицером, представлены к коменданту и принуждены отдать краденый скот. Таким-то образом солдаты наконец узнали, что под грабежом Вены разумели они совсем не то, что думали, и сделались по-прежнему добры, не принимаясь более за такой промысел.

Таким образом все проступки, сделанные солдатами или нижними чинами, как скоро обнаружались, были тотчас строго наказаны. Но бе-

да просителям! Потому, что они не унимались. Известно всякому, как французы охотно облегчают других от тяжести их имени. В городе не встречалось им таких случаев упражняться в своем ремесле, как в деревнях, где они почитали все дозволенным; где же вовсе нечем было поживиться, то старались по крайней мере все то наверстать на бедных поселянах разными обидами и притеснением. Желательно, чтобы правительство приказало собрать и обнародовать все происшествия, до сего относящиеся, тогда увидели бы, какое различие имеет просвещеннейшая в свете нация от так называемых северных варваров! Французы должны знать, что скромность их в глазах других кажется менее, между тем как проступки почитаются более самого преступления других народов; ибо они называются сами просвещеннейшими в свете. Не так иногда приятен дорогой подарок от знатного человека, как удар по плечу добродушного поселянина, которым изъявляет он свое удовольствие. Если французы, как говорят, в пятьдесят раз просвещеннее русских (самолюбие французов без сомнения почтет себя оскорбленным сравнением их с русскими), то и должно судить их в пятьдесят раз строже.

Говорят, что русские ограбили обоз одного австрийского генерала, но за то сделано было удовлетворение; но это совсем не то, что вступить насильственным образом в нейтральную землю. Казаки обокрали однажды почту, а французы везде, где случай позволял, уводили почтовых лошадей — одно другого стоит! С тою разностью, что казакам гораздо простительнее, нежели французам, потому что и то и другое случилось в союзной земле! Сверх того казаки, войско нерегулярное; но российские строевые войска везде вели себя примерно хорошо, даже и в Баварии — в стране неприятельской. В рассуждении же офицеров той и другой армии надобно знать, что французские офицеры и генералы по большей части из простых солдат, людей без всякого воспитания, только из тщеславия немного образовавшихся, между тем как русские почти все из лучшего дворянства; следственно люди хорошо воспитанные и образованные. — За сим остается отгадать, кто из них преимущественнее. В русской армии найдешь гораздо больше истинного величия духа, нежели во французской.

По крайней мере российский или немецкий генерал никогда не унижит себя до того, как французские, которые заставляли частных людей, у коих квартировали, кормить и содержать себя, как простых солдат. Простительнее было бы, если бы требовали от города столовые деньги; а то объедать частных людей, звать гостей и перебирать еще винами в самую полночь, когда все спит, пьянствовать, и сверх того забирать еще и запас на дорогу, — слишком подло.

Ни в русской, ни в немецкой армии нет обычая требовать в тех местах, где проходят, амуницию, как-то: башмаки, рубашки и прочее. Невероятным кажется вести войска на войну без самой нужной одежды, но солдаты Бонапарта ходят в рубище, как нищие. Если французский

начальник от чистого сердца называет солдат своих детьми, то он самый скупой отец. Иногда случается видеть, что целые полки без мундиров, а только в камзолах с рукавами или в холщевых кителях ходят.

Не дают даже и жалованья, и потому некоторые честные люди, пойманные в воровстве и грабежах, извинялись неполучением оногo. В 1795 году, когда они вошли в Голландию, похожи были более на оборванных бродяг, нежели на образованных воинов. Голландцы, сии прилежные чтецы Библии, но худые толкователи оной, захотевшие лучше уподобиться овцам, нежели козлам, коим было сказано: *«наг бех и не одеяте мене»* принуждены были вывести новых друзей своих из того состояния, в каком они пришли к ним; но скоро стали раскаиваться в своей учтивости, когда увидели себя обремененными излишними налогами. Армия, в 1802 году занявшая Ганновер, состояла по большей части из полков, покрытых рубищами. В благоустроенном государстве, каковым считает себя французское, странно видеть такие беспорядки в правлении. Несмотря на чрезвычайные доходы Франции, она терпит всегдашний недостаток в деньгах, а все от того, что всякий, имеющий руки и случай, берет все, что бы ни попало.

Как же иначе и быть в таком государстве, где само правительство дает повод к грабежу? Генерал Гулин, так сказано в приказах Бонапарте, назначается в Вену комендантом, в вознаграждение заслуг его. Каких? спрашивается. Не тех ли, которые оказал он во время представительства своего в воинском суде, коим учинен приговор над *герцогом д'Ангиеном*? Что за выражение, и какое право имел генерал Гулин обогащаться за счет города Вены? Впрочем он не упускал случаев пользоваться данным ему позволением.

Один полковник, стоявший квартирою у некоторого достаточного гражданина, требовал у него каждый день по 25 гульденов на свое содержание; ибо я привык, говорил он, иметь у себя на столе всегда шесть блюд. Такое хвастовство покажется смешным для того, кто знает, какова во Франции водится экономия в тех домах, где объедают офицеры, и что даже есть столы для разных чинов такие, которые разочтены по доходам каждого; однако французы по легкомысленности своей думают, что немцы также мало знают их жите-бытье, как и они немцев.

